

DOI: <https://doi.org/10.60797/RULB.2025.64.15>

СОЦИАЛЬНО-ДЕТЕРМИНИРОВАННАЯ ЛЕКСИКА КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ ОБРАЗА РАССКАЗЧИКА  
В СКАЗЕ М. ЗОЩЕНКО

Научная статья

Ван Ц.<sup>1,\*</sup>

<sup>1</sup> ORCID : 0009-0008-7812-1175;

<sup>1</sup> Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

\* Корреспондирующий автор (st059366[at]student.spbu.ru)

**Аннотация**

В данной работе предпринята попытка выявить и проанализировать роль социально-детерминированной лексики в формировании образа рассказчика в сказе М. Зощенко. Статья раскрывает содержание понятий «социально-детерминированная лексика» и «сказ», показаны связи между жаргоном и просторечием, а также образом рассказчика и речью его персонажей в сказе. Анализ рассказов, написанных М. Зощенко в 1923–1932 гг., позволяет сделать вывод о том, что рассказчик в данных художественных текстах представлен двумя типами:

- 1) человек, индивидуальные характеристики которого в тексте рассказа указаны автором;
- 2) человек, индивидуальные характеристики которого в тексте рассказа не упоминаются.

Социально-детерминированная лексика в первом случае помогает писателю осветить образ рассказчика, закрепить его в памяти читателя, сделать его более ярким и насыщенным, во втором случае – позволяет читателю по языковым чертам рассказчика идентифицировать его социальное положение, относить его к той или иной социальной группе и на протяжении всего рассказа сохранять этот образ в своей памяти.

**Ключевые слова:** социально-детерминированная лексика, просторечие, жаргонизм, образ рассказчика, сказ М. Зощенко.

SOCIALLY DETERMINED VOCABULARY AS A MEANS OF CREATING THE IMAGE OF THE NARRATOR IN  
M. ZOSHCHENKO'S TALE

Research article

Wang J.<sup>1,\*</sup>

<sup>1</sup> ORCID : 0009-0008-7812-1175;

<sup>1</sup> St Petersburg University, Saint-Petersburg, Russian Federation

\* Corresponding author (st059366[at]student.spbu.ru)

**Abstract**

This work attempts to identify and analyse the role of socially determined vocabulary in the formation of the narrator's image in M. Zoshchenko's tale. The article discloses the content of the concepts of 'socially determined vocabulary' and 'tale', shows the links between argot and jargon, as well as the image of the narrator and the speech of his characters in the fairy tale. The analysis of the stories written by M. Zoshchenko in 1923–1932 allows to conclude that the narrator in these fiction texts is represented by two types:

- 1) a person whose individual characteristics are specified by the author in the text of the story;
- 2) a person whose individual characteristics are not mentioned in the text of the story.

In the first case, the socially determined vocabulary helps the writer to highlight the narrator's image, fix it in the reader's memory, make it more vivid and rich; in the second case, it allows the reader to identify the narrator's social status by his linguistic features, refer him to one or another social group, and keep this image in his memory throughout the story.

**Keywords:** socially determined vocabulary, vernacular, jargonism, narrator's image, M. Zoshchenko's tale.

**Введение**

Термин «социально-детерминированная лексика» впервые был использован в коллективной монографии Т. М. Беляевой и В. А. Хомякова, посвященной изучению нестандартной лексики английского языка, в которой ученые под «социально-детерминированной лексикой» понимают жаргон и аргот [2, С. 4]. Просторечная лексика в английском языке рассматривается Т. М. Беляевой и В. А. Хомяковым как нестандартная лексика вообще, иными словами, это «сложная лексико-семантическая категория – определенный фрагмент словарного состава национального языка, т.е. известным образом упорядоченное и обладающее структурной иерархическое целое, представляющее совокупность социально детерминированных лексических систем (жаргоны, аргот) и стилистически сниженных лексических пластов («низкие» коллоквиализмы, сленгизмы, вульгаризмы), которые характеризуются существенными различиями и расхождениями в основных функциях и в социолексикологическом, прагматическом, функционально-семантическом и стилистическом аспектах» [2, С. 3–4].

Однако многие ученые утверждают, что просторечие является чисто русским лингвистическим термином, которого почти нет в других языках [5], [7, С. 23].

В русском языкознании, согласно В. А. Аврорину, Е. А. Земской, Л. И. Баранниковой, Л. А. Капанадзе, Л. П. Крысину и др., просторечие является отдельной формой существования языка, обладающей «определенным

набором признаков, таких как специфичная социальная база, слабая нормированность и наличие некоторых особых лексических, фонетических и синтаксических языковых элементов». В английской лингвистике «понятия просторечие как формы существования языка нет вообще» [8, С. 83].

Следует обратить внимание на социальные особенности просторечия. Просторечие как социолингвистический индикатор сигнализирует «о социальном статусе говорящего», является «языком малообразованного городского населения» [13, С. 174]. К тому же просторечие «имеет своих носителей, сферу использования и выполняет определенный набор социальных функций» [13, С. 264]. Носителями просторечия могут быть охранник, шофер, уличный торговец, неквалифицированный рабочий и т.п. [5]. Именно стереотипные представления о том, кто является носителем просторечия, являются причиной использования этих лексических единиц в качестве средств художественной типизации, о чем мы скажем ниже.

Опираясь на идею Т. М. Беляевой и В. А. Хомякова, к группе «социально-детерминированная лексика» мы относим и просторечия, таким образом, под «социально-детерминированной лексикой» понимаются просторечия, жаргон и арго.

Рассмотрим связь между понятиями «арго» и «жаргон». Арго — это «один из социолектов, условный тайный язык той или иной социальной группы» [11, С. 25]. Характерной чертой арго является то, что оно употребляется «с целью сокрытия предмета коммуникации, а также как средство обособления группы от остальной части общества» [9, С. 43], т.е. арго принадлежит к относительно замкнутым социальным группам. Жаргон, в свою очередь, используется как в открытых социальных группах, так и в замкнутых, притом в замкнутых группах он функционирует также как «сигнал, различающий «своего» и «чужого», а иногда — средство конспирации» [9, С. 151]. Другими словами, жаргон представляет собой «значительно более широкое понятие», частью которого является арго [15, С. 13]. В связи с этим мы рассматриваем арго как разновидность жаргона и объединяем арго и жаргон под общим названием жаргон.

Таким образом, под «социально-детерминированной лексикой» мы понимаем просторечия и жаргон.

Сказ, как подчеркивал В. В. Виноградов, представляет собой «не только один из важнейших видов развития новеллы, рассказа и повести, но и мощный источник обогащения языка художественной литературы» [4, С. 118]. В «Словаре литературоведческих терминов» С. П. Белокурова под сказом понимается «тип повествования, основанный на стилизации речи того героя, который выступает в роли рассказчика. Повествование в сказе ведется от лица героя (персонажа), в присущей именно ему речевой манере, и имитирует живую разговорную речь со всеми характерными для устной формы речи особенностями» [1, С. 164].

В «Литературном энциклопедическом словаре» сказ толкуется как «особый тип повествования, ориентированный на современную живую, резко отличную от авторской, монологическую речь рассказчика, вышедшего из какой-либо экзотической для читателя (бытовой, национальной, народной) среды. В сказе широко используются просторечие, диалектизмы, а также профессиональная речь» [10, С. 382].

Следует обратить внимание на понятие рассказчика, который в словарях литературоведческих терминов обычно понимается как «условный образ человека, от лица которого ведется повествование в литературном произведении» [12, С. 310].

Рассказчиком, согласно В. В. Виноградову, является «речевое порождение автора, и образ рассказчика в сказе — это форма литературного артистизма автора» [4, С. 118]. Соотношение рассказчика и автора в разных текстах выражается по-разному. Рассказчик может быть близок или далек от автора по характеру и социальному статусу, также может выступать в роли автора, знающего ту или иную историю, или в роли действующего героя повествования [12, С. 310–311].

Об отношениях между рассказчиком и персонажами в сказе В. В. Виноградов пишет: «Образ рассказчика накладывает отпечаток своей экспрессии, своего стиля и на формы изображения персонажей» [4, С. 118], т.е. в сказе речь персонажей воспроизводится по речевой манере рассказчика, а значит, она передается не в соответствии с собственными речевыми характеристиками самых персонажей, а в соответствии с речевыми особенностями рассказчика. На основании этих соображений речь персонажей в сказе, которую изображает рассказчик, можно рассматривать в качестве элементов, формирующих образ рассказчика. Подробнее см. ниже.

Исходя из приведенных выше определений термина «сказ» можно понять, что это особый тип повествования, основанный на стилизации речи рассказчика, которая в отличие от авторской носит ярко разговорный характер и обладает всеми признаками устных форм речи. В речи рассказчика обычно присутствуют такие внелитературные лексические единицы, как просторечие, жаргонизмы, диалектизмы, профессионализмы и др.

Примерами сказа в русской литературе могут служить «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя, «Левша», «Очарованный странник» Н. С. Лескова, сказы П. Бажова, многие рассказы М. Зощенко [1, С. 164].

Рассказы М. Зощенко как предмет литературоведческих исследований имеют долгую историю, начиная с 1920-х гг., например, в работах А. Г. Вармина (1928), В. В. Виноградова (1928), В. Б. Шкловского (1928) и др., до наших дней, например, в работах Н. А. Комаровой (2000), Н. А. Даренской (2000), М. А. Котовой (2005), И. П. Колевой (2013) и др., однако гораздо меньше научных работ посвящено рассказам М. Зощенко в лингвистической области. На лексические единицы в рассказах М. Зощенко обращают внимание такие лингвисты, как Тон Куанг Кьонг (1997) исследовал зооморфизмы, Л. А. Исаева (2004) — книжные лексические и фразеологические единицы, А. А. Пихурова (2005) — советизмы, А. Ю. Астафьев (2012) — окказионализмы, С. А. Кабанова (2022) — преобразованные фразеологические единицы, Т. Г. Борисова, Т. Б. Кузнецова (2023) — оценочную лексику и др. Труды с целью рассмотрения социально-детерминированной лексики в сказе М. Зощенко и выявления ее роли в создании образа рассказчика нами были не найдены, на это ориентируется наше исследование.

### Основные результаты

Материалом для нашего исследования послужили 86 рассказов М. Зощенко, написанных в 1923–1932 гг., включенных писателем в сборник: «Избранные рассказы. 1923–1934» [6].

Рассказчик в сказе М. Зощенко представлен в двух видах:

- 1) человек, об индивидуальных характеристиках которого мы узнаем благодаря тексту рассказа;
- 2) человек, об индивидуальных характеристиках которого в тексте рассказа не сообщается.

Сначала рассмотрим рассказчика первого типа. В эту группу входят:

### 1. Человек рабочего сословия.

В качестве примера приводим рассказ «Барон Некс». В начале рассказа четко обозначено, что рассказчик здесь — водопроводчик: *И не один я, а трое нас поехало — спецов-водопроводчиков: я, Василь Тарасович, да еще мастеров, мальчишка Васька.* В рассказе встречаются просторечные обращения: *братцы мои, мужиков;* просторечные выражения: *делов на копейку, глаза продрали, сукин кот;* просторечные глаголы: *трется, лопаем, хлебнет* и др.; просторечный союз: *ежели;* вводное слово: *дескать;* просторечная номинация: *манатки.* Эти единицы позволяют читателю на протяжении всего рассказа «видеть и слышать» человека рабочего сословия, верить его самопрезентации и погружаться в ситуацию с его точки зрения.

Следует обратить внимание на такой случай, когда в речи барона, приведенной от лица рассказчика, также появляются просторечия, рассмотрим пример:

*Смотрим — барон осунулся сразу: похудел, заморгал очами и говорит тихим басом:*

— *Что вы, говорит, братцы! Да рази я что? Я ничего. Рази я контроль держу? Нет, говорит, просто чувствую я себя в вашем мужицком обществе молодцом. У меня, говорит, и аппетит является, и сон, и бодрость. Вы, говорит, уж позвольте мне вокруг вас находиться! Уж не обижайтесь!*

Барон — это дворянский титул, в «Российской империи титул барона был введен Петром I для немецкого высшего дворянства Прибалтики» [3, С. 15], т.е. это образованный человек, с большой вероятностью не русского происхождения, в его речи не должны появляться лексические и грамматические просторечия. В связи с этим полагаем, что перед нами проявление речи рассказчика, в данном случае — водопроводчика (как и ожидается в случае создания сказа).

### 2. Житель города (не деревни).

Рассмотрим рассказ «Нервные люди»: *Недавно в нашей коммунальной квартире драка произошла.* В данном предложении содержится информация о том, что рассказчик является жильцом коммунальной квартиры. В связи с тем, что такое помещение существует только в городах, читатель понимает, что рассказчик — это горожанин. Такая характеристика рассказчика получает подтверждение по мере чтения рассказа, благодаря, в частности, лексическим просторечиям, таким как *башку оттяпали, завсегда, жиличка, ежик* (в значении *щетка*), *нипочем, поднаперли, чертова перечница* и др.

### 3. Солдат.

Например, рассказчик «Испытания героев». Его образ представлен в первом предложении данного рассказа: *Я, товарищи, два раза был на фронте: в царскую войну и во время революции, в гражданскую.* В речи солдата встречаются следующие просторечные слова и просторечные сочетания слов: *чертовски, завсегда, поработать на этом чернильном фронте, вовсе и даже совершенно приспособленное* и др.

Переходим к рассмотрению рассказчика второго вида, который не был описан в тексте напрямую, но по сюжету рассказа и речевой характеристике рассказчика читатель может получить представление о его социальном статусе. В сказе М. Зощенко таким рассказчиком может быть:

1. Простой, обычный человек (предположительно – такой же, как массовый читатель рассказов М. Зощенко). Рассмотрим рассказ «Иностранцы». История происходила на званом банкете на Западе, об этом слышал рассказчик от своего знакомого:

*А дело происходило на званом обеде. Мне про этот случай один знакомый человек из торгпредства рассказывал.*

*Так дело, я говорю, происходило на званом банкете. Кругом, может, миллионеры пришли. Форд сидит на стуле. И еще разные друие.*

В повествовании нет никаких сведений о рассказчике, в этом случае именно используемые языковые характеристики служат читателю маркерами принадлежности говорящего к той или иной группе. Например, русское просторечное выражение *куриная морда* использует француз, обращаясь к кучеру:

— *Вези, — кричит, — куриная морда, в приемный покой.*

С помощью этого приема читатель может сделать вывод о том, что рассказчик представляет собой простого, среднего для 30-х гг. прошлого века человека, его образовательный уровень не высокий. При изложении истории рассказчик использует другие просторечные слова:

*У них, у буржуазных иностранцев, в морде что-то заложено другое.*

*У них морда, как бы сказать, более неподвижно и презрительно держится, чем у нас.*

*Дескать, это стеклышко не уроним и не сморгнем, чего бы ни случилось.*

*Только когда встали из-за стола, он слегка покачнулся и за брюхо рукой взялся — наверное, кольнуло.*

*Ну, на лестнице, конечно, поднажал.*

*Подох ли этот француз или он выжил, — я не могу вам этого сказать, не знаю.*

2. Человек, склонный к асоциальному поведению. В качестве примера вспомним рассказ «Воры», в котором речь идет о том, как воры обокрали рассказчика в поезде:

*Вот у меня, не доезжая Жмеринки, чемоданчик свистнули, так действительно начисто. Со всеми потрохами. Ручки от чемодана и той не оставили. Мочалка была в чемодане – пятачок ей цена – и мочалку. Ну на что им, чертям, мочалка?! Бросят же, подлецы. Так нет. Так с мочалкой и сперли.*

В первой половине текста рассказа в речи рассказчика кроме показанных выше *свистнули, сперли*, присутствует много разных просторечий, например, *прут* (глагол *переть* в третьем лице множественного числа), *сиганет, ихний, отчаянные, сукин сын, небось, завсегда* и др. Эти лексические единицы дают читателю информацию о том, что

рассказчик здесь — простой, обычный малообразованный человек. По мере того как рассказчик использует в своей речи жаргон, его образ становится ясным. Рассмотрим пример:

— Сапоги, — говорю, — граждане, чуть не слимонили.

Согласно «Толковому словарю русского языка» Д. Н. Ушакова, *слимонить* это слово из воровского жаргона [14, С. 266]. Как правило, его используют люди определенной социальной группы, а именно воры. Можно полагать, что рассказчик близок к той социальной группе, которую сюжетно порицает, и такое предположение читателя подтверждено в конце рассказа:

На большой станции пошел в особый отдел заявлять. Ну, посочувствовали там, записали. Я говорю:

— Если поймают, рвите у него к чертям руки.

Смеются.

— Ладно, — говорят, — оторвем. Только карандаш на место положите.

И действительно, как это случилось, прямо не знаю. А только взял я со стола ихний чернильный карандаш и в карман сунул.

Таким образом, в сказе М. Зощенко рассказчик может быть представлен двумя типами:

1) человек, об индивидуальных характеристиках которого мы узнаем благодаря тексту рассказа. Социально-детерминированная лексика помогает писателю уточнить образ рассказчика, удержать его в памяти читателя, сделать его более живым и объемным;

2) человек, об индивидуальных характеристиках которого в тексте рассказа не сообщается. В этом случае социально-детерминированная лексика позволяет читателю определить социальный статус рассказчика, его уровень образования, а после определения — удерживать в памяти именно этот образ.

### Закключение

Исходя из вышеизложенного, можно выделить следующие функции использования социально-детерминированной лексики в художественном тексте М. Зощенко:

1. Эти лексемы позволяют читателю идентифицировать рассказчика даже тогда, когда он не представлен в тексте.

2. Читатель не теряет из виду, каков рассказчик, на протяжении всего рассказа. Повествование носит субъективный характер.

3. Массовый читатель, на которого ориентировался сам М. Зощенко, мог соотносить себя с рассказчиками (городской житель с невысоким уровнем образования, из рабочей среды). Просторечные лексические единицы позволяют достичь эффекта спонтанности, устного проговаривания, а потому достоверности.

4. При чтении рассказов через значительный временной отрезок читатель достаточно точно и легко определяет время, о котором идет речь, т.к. просторечия соотносят время событий и время, которому принадлежит рассказчик, с его историческим и временным контекстом.

### Конфликт интересов

Не указан.

### Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

### Conflict of Interest

None declared.

### Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

### Список литературы / References

1. Белокурова С.П. Словарь литературоведческих терминов / С.П. Белокурова. — Санкт-Петербург : Паритет, 2006. — 314 с.
2. Беляева Т.М. Нестандартная лексика английского языка / Т.М. Беляева, В.А. Хомяков. — Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1985. — 136 с.
3. Большая советская энциклопедия : в 30 т. / гл. ред. А.М. Прохоров. — 3-е изд. — Москва : Советская энциклопедия, 1970. — 640 с.
4. Виноградов В.В. О теории художественной речи / В.В. Виноградов. — Москва : Высшая школа, 1971. — 233 с.
5. Дьячок М.Т. Русское просторечие как социолингвистическое явление / М.Т. Дьячок // Гуманитарные науки. — 2003. — Вып. 21. — С. 102–113.
6. Зощенко М.М. Избранные рассказы. 1923–1934 / М.М. Зощенко. — Ленинград : Художественная литература, 1936. — 343 с.
7. Кестер-Тома З. Стандарт, субстандарт, нонстандарт / З. Кестер-Тома // Русистика. — 1993. — № 2. — С. 15–31.
8. Кропачева М.А. Актуальные вопросы разграничения понятий просторечие, общий жаргон и сленг в русской лингвистике / М.А. Кропачева, Е.С. Литвинова // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2020. — № 2. — С. 79–90.
9. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. — 2-е изд., доп. — Москва : Большая Российская энциклопедия, 2002. — 707 с.
10. Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. — Москва : Советская энциклопедия, 1987. — 750 с.
11. Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов / Т.В. Матвеева. — Ростов-на-Дону : Феникс, 2010. — 562 с.

12. Словарь литературоведческих терминов / ред.-сост. Л.И. Тимофеев, С.В. Тураев. — Москва : Просвещение, 1974. — 509 с.
13. Словарь социолингвистических терминов / В.А. Кожемякина, Н.Г. Колесник, Т.Б. Крючкова [и др.]. — Москва : Институт языкознания РАН, 2006. — 312 с.
14. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. — Москва : Советская энциклопедия : ОГИЗ, 1940.
15. Химик В.В. Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен / В.В. Химик. — Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ, 2000. — 269 с.

### Список литературы на английском языке / References in English

1. Belokurova S.P. Slovar' literaturovedcheskih terminov [Dictionary of Literary Terms] / S.P. Belokurova. — Saint Petersburg : Paritet, 2006. — 314 p. [in Russian]
2. Belyaeva T.M. Nestandartnaja leksika anglijskogo jazyka [Non-standard English vocabulary] / T.M. Belyaeva, V.A. Khomyakov. — Leningrad : LSU Publ., 1985. — 136 p. [in Russian]
3. Bol'shaja sovetskaja jenciklopedija [Great Soviet Encyclopedia] : in 30 vols. / ed. A.M. Prokhorov. — 3rd ed. — Moscow : Sov. Encyclopedia, 1970. — 640 p. [in Russian]
4. Vinogradov V.V. O teorii hudozhestvennoj rechi [On the theory of artistic speech] / V.V. Vinogradov. — Moscow : Higher School, 1971. — 233 p. [in Russian]
5. Dyachok M.T. Russkoe prostorechie kak sociolingvisticheskoe javlenie [Russian vernacular as a sociolinguistic phenomenon] / M.T. Dyachok // Gumanitarnye nauki [Humanities]. — 2003. — Iss. 21. — P. 102–113. [in Russian]
6. Zoshchenko M.M. Izbrannye rasskazy. 1923–1934 [Selected stories. 1923–1934] / M.M. Zoshchenko. — Leningrad : Fiction Literature, 1936. — 343 p. [in Russian]
7. Kester-Thoma Z. Standart, substandart, nonstandart [Standard, substandard, nonstandard] / Z. Kester-Thoma // Rusistika [Russian Linguistics]. — 1993. — № 2. — P. 15–31. [in Russian]
8. Kropacheva M.A. Aktual'nye voprosy razgranichenija ponjatij prostorechie, obshnij zhargon i sleng v russkoj lingvistike [Current issues of distinguishing between vernacular, common jargon and slang in Russian linguistics] / M.A. Kropacheva, E.S. Litvinova // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija [NSU Bulletin. Series: Linguistics and Intercultural Communication]. — 2020. — № 2. — P. 79–90. [in Russian]
9. Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar' [Linguistic Encyclopedic Dictionary] / ed. V.N. Yartseva. — 2nd ed., add. — Moscow : Big Russian Encyclopaedia, 2002. — 707 p. [in Russian]
10. Literaturnyj jenciklopedicheskij slovar' [Literary Encyclopedic Dictionary] / ed. V.M. Kozhevnikov, P.A. Nikolaev. — Moscow : Sov. Encyclopedia, 1987. — 750 p. [in Russian]
11. Matveeva T.V. Polnyj slovar' lingvisticheskikh terminov [Complete Dictionary of Linguistic Terms] / T.V. Matveeva. — Rostov-on-Don : Feniks, 2010. — 562 p. [in Russian]
12. Slovar' literaturovedcheskih terminov [Dictionary of Literary Terms] / ed. L.I. Timofeev, S.V. Turaev. — Moscow : Prosveshchenie, 1974. — 509 p. [in Russian]
13. Slovar' sociolingvisticheskikh terminov [Dictionary of Sociolinguistic Terms] / V.A. Kozhemyakina, N.G. Kolesnik, T.B. Kryuchkova [et al.]. — Moscow : Institute of Linguistics RAS, 2006. — 312 p. [in Russian]
14. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka [Explanatory Dictionary of the Russian Language] : in 4 vols. / ed. D.N. Ushakov. — Moscow : Sov. Encyclopedia : OGIЗ, 1940. [in Russian]
15. Khimik V.V. Pojetika nizkogo, ili Prostorechie kak kul'turnyj fenomen [Poetics of the low, or Vernacular as a cultural phenomenon] / V.V. Khimik. — Saint Petersburg : Department of Philology, SPbSU, 2000. — 269 p. [in Russian]